НОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Информационно - дискуссионный бюллетень
№ 12 Август 2002 г.

ПРОТЕСТ ТРОЛЛЕЙБУСНИКОВ САРАНСКА.

С 24 апреля приостановили работу водители и кондуктора Троллейбусного Депо №2 г. Саранска. Они требуют зарплату за март и ссылаются на статью нового КЗОТа, по которой рабочие имеют право отказаться от исполнения работы в случае задержек зарплаты на 15 и больше дней. Но задержки с выплатой зарплаты - лишь одна из причин невыносимой жизни рабочих.

При норме в 167 рабочих часов в месяц многие водители, чтобы свести концы с концами, вынуждены работать 200 и больше часов в месяц. Это значит, что работающие в первую смену встают в 4 часа утра, а домой приходят в 16 - 17 часов вечера. Заработка все равно не хватает, поэтому многие, причем самые квалифицированные водители, увольняются и переезжают работать в Москву и Подмосковье. Всю тяжесть их труда администрация перекладывает на остающихся водителей, заставляя их работать и в выходные дни, так что нередко они должны работать по 8 - 10 дней без выходных, а были случаи, что и по 13 - 15 дней. Кондукторов, без их согласия, после того, как они отработают до 24 часов во вторую смену, вынуждают идти в пол-пятого утра работать в первую. То, что при такой усталости и измотанности водителей неизбежны аварии, при усталости и измотанности кондукторов неминуемые нервные срывы, от которых страдают пассажиры, что при такой изматывающей работе люди болеют и обречены на преждевременную смерть - все это администрацию не волнует. Она на троллейбусах не ездит и от труда не изнемогает.

Большинство троллейбусов - старые и изношенные. Новые распределяются по начальственному произволу.

25 - 27 июля 2001 г. состоялась забастовка троллейбусников Саранска с требованием выплатить задержанную за несколько месяцев зарплату и повысить зарплату на 50%. В результате задолженность была выплачена и зарплату повысили на 20%. Но невыплаты продолжались по-старому. Угрозой забастовки рабочие в начале февраля 2002 г. заставили начальство выдать зарплату за ноябрь. В конце марта мэр Саранска И. Ненюков встречался с работниками СТУ и обещал повысить зарплату на 40% и выплатить зарплату за март до 15 апреля. Эти 40% считались не от всей зарплаты, а от тарифа, поэтому реальное повышение зарплаты должно было быть меньше.

Что еще важнее, зарплату за март так и не выдали. В ответ на все вопросы о ней начальник Троллейбусного управления Муравьев называл рабочих «хамьем», «быдлом» и т.п. словами.

Начальство не считает рабочих за людей. За все время с 24 апреля ни Муравьев, ни другие начальники из Троллейбусного управления так и не вышли к сидящим в Депо №2 рабочим, а зам Муравьева Ликинов, проезжая мимо, показывал им фигу. Когда одна водительница написала жалобу в Генеральную прокуратуру в Москву, ей ответили, что Троллейбусное управление должно прежде всего выплачивать налоги и платить за электричество, а если оно будет еще платить зарплату, то обанкротится совсем. Государство должно получить налоги, РАО ЕЭС - деньги за электричество, рабочие же пусть работают бесплатно.

Ни малейшей помощи не оказал рабочим и профсоюз. Профсоюзная руководительница сказала им, что если водители и кондуктора своими рабочими местами не дорожат, то она своим местом дорожит.

После того, как прошли 15 дней с 9 апреля, когда должны были выплатить зарплату за март, водители и кондуктора Депо №2 приостановили работу, ссылаясь на новый КЗОТ и требуя полного погашения задолженности по зарплате. В отличие от забастовки летом 2001 г., эта приостановка работы не является всеобщей. В своем подавляющем большинстве продолжали работать водители Депо №1, а в начале мая сдались и те немногие из них, кто сперва отказывался работать. Не поддержали протест слесаря обеих депо. Многих рабочих начальство сумело запугать, обязало мнимыми подачками (например, выдало по специальной просьбе рабочего часть его зарплаты - как будто зарплата является милостью начальства, а не правом работника). Кого-то держит на крючке из-за нарушений трудовой дисциплины.

За все время приостановления работы ни Муравьев, ни его замы, ни городское начальство к рабочим так и не выходили. Представитель прокуратуры сказал, что за задержки зарплаты Муравьева будут штрафовать. Но тому легче заплатить штраф и продолжать бесконтрольно распоряжаться зарплатой, ведь в конце концов он сумеет переложить штраф на рабочих.

Приходили корреспонденты из телевидения, но оно показало встречу с протестующими в урезанном виде. Местные газеты либо ничего не печатают о выступлении, либо печатают неправду. Ведь все они контролируются властью, начальством.

Т. к. продолжает работать часть троллейбусов, ходят все автобусы и арендные автобусы («маршрутки»), то отсутствие части троллейбусов не сказывается так, как если бы встал весь городской транспорт. Но маршрутки - маленькие, старые автобусы - большую часть времени ходят набитые битком.

Начальство не собирается отступать. Оно хочет сломить осмелившихся не повиноваться троллейбусников, заставить их сдаться, чтобы затем уволить самых непо-

корных. Оно боится, что после успешной забастовки троллейбусников летом 2001г. новое их успешное выступление может стать толчком к акциям борьбы на других предприятиях города. Кроме того, троллейбусы - экологически чистый транспорт - нужны городу, но не нужны городскому начальству, желающему вытеснить их арендными автобусами, львиную долю доходов, от которых это начальство получает.

Рабочие пока требуют лишь очень малого - всего лишь небольшой зарплаты (ее размер у кондукторов в среднем 1500 руб., у водителей - 2000 - 2500 руб.). Но требуя ее вместе, а не умоляя о ней поодиночке, они показывают всяким Муравьевым, что они уже - не быдло.

* * *

Какие же уроки могут извлечь рабочие из своей акции протеста?

Напрасно надеяться на понимание и доброту начальства, начальников всех уровней от Муравьева в Троллейбусном Управлении до президента, Госдумы и Генпрокуратуры в Москве. Все начальники живут хорошо именно потому, что рабочие живут плохо. Их богатство - за счет нашей бедности. Все капиталы накоплены не своим трудом, а эксплуатацией чужого. Поэтому все начальники - сволочи, все, у кого власть и богатство - враги. Отношения между ними и рабочими - война, классовая война. Не просить их надо, а учиться тому, как заставлять их, как брать их за горло.

У начальства власть и деньги, ему служат пресса и милиция, ему прислуживают профсоюзы. Сила рабочих - в дружном совместном действии, в количестве, решительности и сплоченности.

Троллейбусники хотят соблюсти закон, они всячески подчеркивают, что отнюдь не бастуют, а всего лишь отказываются от работы в полном соответствии с новым КЗОТом. И что дало это законопослушное крючкотворство, прислушались ли к ним начальники? Как бы не так! И совсем другой была реакция начальства в июле 2001г., когда бастовали все троллейбусы города.

Начальству не страшно, когда не выходит на линию часть троллейбусов города. Есть другие троллейбусы, есть автобусы и маршрутки. И совсем другое дело, когда встанут все троллейбусы, а того лучше, весь общественный транспорт. Ведь тогда парализуется вся жизнь в городе.

Забастовка, чтобы победить, должна быть всеобщей и внезапной. В ней должны участвовать все рабочие предприятия, ее нужно проводить в момент, когда ущерб от нее для начальства - максимальный, тогда больше шансов принудить начальство к уступкам.

27 апреля, независимо от троллейбусников, провели одночасовую предупредительную забастовку автобусники. Начальство многое пообещало им, и там все стихло. Но троллейбусники и не пытались по-настоящему сговориться с автобусниками, чтобы выступить вместе. Говорят, что с автобусниками говорить о чем-то бесполезно, они, будто, и так живут хорошо. Если живут хорошо, зачем бастовали 27 апреля и почему этой забастовки так испугалось начальство?

Но, прежде чем договариваться с автобусниками, троллейбусникам хорошо бы договориться и между собой, чтобы действовать всем коллективом. Июльскую забастовку 2001 г. сорвала часть водителей Депо №2, начав работать утром 28 июля вопреки решению общего собрания. На этот раз не работают водители Депо №2, зато работают все водители Депо №1, в т.ч. те, кто решительнее других был настроен в июле 2001г. От того, что часть рабочих, в полном соответствии с КЗОТом, отказалась от работы, получилось куда меньше толку, чем если бы забастовали все рабочие. Ведь по КЗОТу стачки солидарности незаконны. Тем, кто не выходит на работу, ссылаясь на КЗОТ, следует сразу же забыть о возможности поддержки со стороны других рабочих-тех, кому выплатили зарплату. А это значит, что стачка будет изолированной и, почти наверняка, будет проиграна.

Не можете вы, товарищи рабочие, обосновывать свои собственные действия законом, а от других ваших коллег ожидать незаконных действий в вашу поддержку, требующих куда большей решимости, чем та, что есть у вас самих.

Начальство хочет говорить с рабочими поодиночке, с ним нужно говорить всем вместе. Одиночку или изолированную группу рабочих легко сломить и запугать, куда труднее сломить и запугать весь коллектив, запугать **всех** рабочих транспортников еще сложнее. Начальство говорит, чтобы каждый из нас думал только о себе. Но если будешь думать только о себе, пропадешь, будешь думать обо всех вместе, будет лучше и самому.

Решение о стачке должны принимать все, но и подчиняться ему должны все. Штрейкбрехер, стачколом, тот, кто хочет на чужом горбу въехать в рай, тот, кто не хочет бороться с начальством за зарплату, но хочет получать ее, когда ее выбьют от начальства его товарищи, - это слово должно стать самым подлым словом для рабочего.

Нечего быть благодарным начальству за любые подачки. Все, что оно дает нам - лишь крохи того, что оно забрало у нас.

Нечего надеяться на помощь «из Москвы», на большие буржуазные газеты. Все начальники - сволочи, как на месте, так и в Москве. Все большие газеты контролируются теми, у кого власть и деньги. Нужно создавать свою, классовую рабочую прессу, поддерживать свои, рабочие газеты, бюллетени и журналы. Сочувствия и поддержки нужно искать не у тех, кто наверху, а у тех, кто внизу - у таких же пролетариев с других предприятий и из других городов. Неплохо было бы обратиться к жителям города, сказать им, что не водитель виноват в плохой работе транспорта и что у кондуктора жизнь - не сахар.

Нельзя верить ни профсоюзам, ни сидящим в парламенте партиям. Профсоюзы ничем не помогли, профлидеры держатся за свои места и не хотят портить отношения с начальством. Ни КПРФ, ни ее липовый Рабочий Союз так и не пришли к рабочим, не оказали им ни малейшей поддержки. Они не хотят, поддержав требующих свою зарплату рабочих, испортить отношения с властью. Все, что они делают - 2 раза в год проводят не опасные для властей демонстрации, выпускают пар из котла.

Если рабочие добьются выдачи задержанной им зарплаты - очень хорошо. Но не говорит ли тот факт, что даже причитающуюся рабочему зарплату нужно выбивать забастовкой, не говорит ли это о том, что вся система в корне порочна? Ее нужно заменить другой, где не будет капиталистов и чиновников, где вся власть будет принадлежать рабочим, все решения будут приниматься общими собраниями (подобно тому, как принимались они во время июльской забастовки) и советами делегатов, подконтрольными общим собраниям, а производство будет осуществляться ради потребностей людей, а не ради прибылей начальства.

А.С.

КОНФЛИКТ В САРАНСКЕ - *ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ*

В Саранск я приехал в субботу утром. Понятно, что для транспортных рабочих суббота или понедельник – все едино – транспорт должен работать круглосуточно. Значит работники депо – на своих местах. Поэтому в тот же день к концу первой смены товарищ А.С. проводит меня в депо. В депо мы попадаем, как говорят в народе, «через задний проход» – перелезаем через забор со стороны леса. Мест, удобных для перелезания, тут несколько, но самое удобное уже перекрыто колючей проволокой. Проволока свежая. А.С. поясняет, что еще вчера ее тут не было. А.С. живет в Саранске и знаком с работниками депо (хотя не так хорошо, как с работниками Депо-1), но сам он в депо не работает (А.С. постоянной работы не имеет, перебивается случайными заработками); видимо слухи о частом появлении в депо некого «постороннего-смутьяна» насторожили администрацию. Тем более, что год назад во время забастовки в Депо-1 именно А.С. сообщил о ней мне и моим товарищам, один из которых тогда приезжал в Саранск. Возможно, это тоже известно начальству, тем более, что оно у обоих депо – общее.

Как бы то ни было, мы находим, где можно перелезть, и пробираемся на территорию депо. Несколько работниц – водители и кондуктора сидят в троллейбусе. А.С. объясняет им, что вот приехал человек из Москвы, и что человек этот – имеет отношение к рабочему изданию НРД. Работницы созывают народ. Водители заполняют троллейбус. Бюллетени НРД, привезенные мной, расхватываются мгновенно. К сожалению, привез я не много – что оставалось. В одном из номеров б1111юллетеня кроме прочего рассказывается о прошлогодней стачке в Саранске, в другом – о стачке автобусников в Самаре. Рассказывают о ситуации в депо. Начальство называет «хамьем», показывает кукиши – словом хамит в открытую. Пытается внести раскол в ряды бастующих – кое-кому из водителей зарплату заплатили и теперь и в первую, и во вторую смену несколько троллейбусов выходят на маршруты. Спрашиваю, а по какому принципу выдавали зарплату. Отвечают, что начальство знает, кого можно использовать в качестве штрейкбрехера. Действительно, большинство водителей проработало в депо не один год и у начальства было время понять кто на что способен. Между делом одна из работниц бросает реплику по поводу одного из таких: «От него на метр пахнет, раньше таких выгоняли, а теперь дают отоспаться и – во вторую смену» (за дословность не ручаюсь, но смысл реплики передаю точно). Ситуация классическая – во время забастовок начальство очень любит использовать пьяниц. Если даже пьяницу нельзя купить, на него легче надавить, пригрозив увольнением за пьянство, на худой конец на него можно показывать пальцем, чтобы позорить весь бастующий коллектив. Так что то, что именно апьяницы оказались на стороне начальства меня не удивляет, скорее наоборот.

Впрочем, несколько троллейбусов в смену погоды не делают. Хуже другое. Работает все Депо-1. Вот если бы оно забастовало, у начальства появились бы серьезные проблемы – одни автобусы с перевозкой бы не справились. А уж если бы присоединились и автобусники, то начальство бы сдалось через два дня. Все собравшиеся в троллейбусе это прекрасно понимают. Но что делать? Предлагать водителям Депо-1 объявить забастовку? А почему они должны это делать, если сами водители Депо-2 этого не делают? Ведь все, с кем я сейчас разговариваю, не бастуют. Они *приостановили работу в связи с невыплатой зарплаты.* Иначе говоря, они не работают, потому что им не платят. Они имеют на это право. По закону. А водителям Депо-1 платят. Значит они должны работать. По тому же самому закону. Если работники Депо-2 не нарушили закон для самих себя, то почему работники Депо-1 должны это делать для них?

Закон – что дышло. Законы пишутся начальниками, которые живут тем, что они награбили у работников. Поэтому они составлены так, чтобы от них всегда была выгода началству, хозяевам и никогда – работникам. И если вдруг они, хозяева чего-то недоглядели, и закон выходит им боком, они этот свой собственный закон нарушают не задумываясь. Что с ними потом рабочий судится будет? У рабочего на это ни времени, ни денег. И когда А.С. все это говорит собравшимся, они с этим соглашаются. Но упрямо повторяют: «Мы не бастуем, мы приостанавливаем работу». Я прийду сюда еще на следующий день, опять в пересменок, чтобы пообщаться с обеими сменами и опять все повторится. Все будут понимать, что без остановки работы Депо-1 они вряд-ли чего добьются, все будут понимать и то, что к приостановке работы (а не к забастовке) Депо-1 не присоединится, но все равно будут повторять: «Ме не бастуем!» Даже сердится будут на нашу с А.С. непонятливость.

Та же история и с автобусниками. Вообще в Саранске троллейбусники автобусников не любят. Потому что троллейбусы здесь – транспорт муниципальный, а автобусы – частный. Они в собственности водителей. Вернее, в аренде. За пользование ими не предусмотрено льгот – льготников в итоге возят троллейбусы. Бывает, что автобус подходит к остановке перед троллейбусом, собирает всех «платежеспособных», а троллейбусу оставляет одних пенсионеров. А зарплата троллейбусников, между прочим, зависит от того, сколько денег заплачено за билеты. Хотя, если подумать, а почему это? Получается, что водители возят льготников за свой счет. Если пенсионер получил свои льготы за то, что всю жизнь проработал на государство, то пусть ему государство льготы и оплачивает. Или городские власти, на худой конец. Почему их должен оплачивать водитель? Или пенсионер всю жизнь работал на работников троллейбусного депо? И почему вообще зарплата водителя должна зависить от числа пассажиров? Он ведь маршрут и график себе не выбирает (это начальство делает) и не знает точно, когда кому куда ехать приспичит.

От водителей мне за время общения с ними приходилось слышать, что не худо бы сделать плату за проезд для всех одинаковой, а льготникам платить компенсацию из бюджета. Или вообще сделать проезд бесплатным. Кстати, тогда и кондукторов было бы не нужно. Конечно, кондуктора – тоже люди, но ведь поначалу им можно было просто так зарплату платить, а по ходу дела подыскивать им другую работу. Как бы то ни было, а увязывать зарплату водителя или кондуктора с количеством билетной выручки – это просто очередное свинство начальства.

Вернемся однако к автобусникам. Взаимопонимания с ними нет, да и сами они вроде бы к нему не стремятся. Но с другой стороны у них жизнь

тоже – не малина, и попытаться найти с ними общий язык было бы можно. В конце концов, в ареле они тоже баставали, хоть и не долго. Значит у них тоже есть проблемы, которые начальство решать не хочет. Кстати, и начальство у них реально общее с троллейбусниками – ведь это местная администрация сдает им автобусы в аренду, она держит в своих руках гаражи, бензин и запчасти. Значит можно было бы с ними поговорить. Кто-то считает, что с автобусниками говорить бессмысленно, а кто-то соглашается, что да, надо бы с ними поговорить. Но никто говорить с ними не идет.

Вообще, чем дальше, тем больше работники в депо напоминали мне солдат, сидящих в траншее и не решающихся подняться в атаку. Сидеть в траншее – не сахар, противник долбит снарядами, а если его атакавать, то будет победа, и даже погибнет в атаке народу немного, во всяком случае меньше, чем погибнет от снарядов противника, если сидеть, не высовываясь. Но вот только тот, кто встанет в атаку первым, погибнет наверняка. И поэтому никто не хочет быть первым. Все понимают, что надо атакавать, но никто не атакует. Тем более, что еще неизвестно, пойдут ли все остальные в атаку вслед за первым или нет.

Я не преувеличиваю, говоря об атаках и смертях. Классовая война – такая же жестокая война, как и любая другая, и в этой войне тоже убивают. В начале 90-х здесь тоже была стачка, и тогда водители за несколько дней добились своего. Но тогда тут был стачком. И был его лидер – Александр Грачев. Так вот, через некоторое время Грачев сгорел вместе со своей квартирой. Официальная версия – несчастный случай. Может, так оно и есть на самом деле. А может, и нет. Никто точно не знает. Дело темное. Во всяком случае, никто не даст не то что голову, даже каблук от ботинка на отсечение, что квартире никто не помог загореться.

Вообще-то нельзя сказать, чтобы работники депо сидели, сложа руки. Они, например связались со всеми газетами, с какими только могли. Кое где о них даже напечатали. Но много ли правды напечатает обычная желтая пресса, которую интересуют только деньги? Ведь деньги не у работников, а у хозяев, у буржуев и начальников. А наш бюллетень и подобные ему издания выходят от случая к случаю и мизерными тирражами.

И вот теперь, пока нас с А.С, угощают чаем, согретым тут же на костре, я ломаю голову, чем я – верстальщик из Москвы могу помочь водителям из Саранска. Ну кроме того, что я напишу о них в бюллетень, который сам же и сверстаю, и который будут читать такие же рабочие, как они. Получается, что ничем. Вот если бы все рабочие, все верстальщики, все водители, все строители и так далее смогли бы объединиться. Но для этого надо, чтобы сначала объединились на местах – здесь, в депо; у нас, в газете... Уже в конце воскресенья мне приходит в голову одна мысль, которой я делюсь с А.С. Наши товарищи – европейские рабочие могли бы отправить письма протеста саранской администрации. Конечно, ничем реально повредить ни саранским властям, ни администрации депо они не могут – слишком далеко их страны от Саранска, так что непосредственной экономической связи нет; но саранские власти-то об этом не знают. Получается залп холостыми – толку чуть, но напугать может.

В субботу вечером мы встречаемся с одной из активисток прошлогодней забастовки, работницей Депо-1. Встречаемся у нее дома. Дом изнутри больше похож на подземелье из фильма ужасов. Это на первом этаже. На втором – не намного лучше: на дюжину квартир – один большой сортир. Правда, в некоторых квартирах все же есть свои туалеты, но в каких-то и нету. Разумеется, городское начальство здесь не живет, живут тут простые работники.

Работница, с которой мы встречаемся, обо всем в курсе. Понимает, что хорошо бы нажать на начальство всем вместе. Но как бастовать, если Депо-2 само не бастует? К тому же уже нет сил. Наша собеседница вспоминает, как на нее давили во время той забастовки, и как начальство собирало с рабочих подписи против нее. А.С. говорит, что сейчас – не время вспоминать прошлое; если сейчас работники Депо-1 не поддержат работников Депо-2, сославшись на то, что год назад те их не поддержали, то завтра опять Депо-2 не поддержит Депо-1, сославшись на этот случай, и так – без конца, а начальники будут потирать руки. Им только этого и надо – расколоть рабочих, натравить их друг на друга – разделяй и властвуй! Да, она все понимает, но она – тоже не железная. «Если все будут бастовать, то и я буду, а первой больше не пойду».

На этой не слишком оптимистической ноте мы и прощаемся. Жаль, конечно, но что мы еще можем сделать? Кто мы такие, чтобы требовать чего-то большего? Да и не может же одна активистка тащить на себе весь коллектив! Может поговорить с автобусниками? Но у нас с ними нет контактов, а просто так они с нами разговаривать не станут – кто нас сэнает, может нас начальство подослало их проверить. К автобусникам должен идти тот, кого они хоть немного знают. Значит опять-таки никто, кроме троллейбусников этого сделать не сможет.

В воскресенье мы снова пробираемся в депо. Снова разговариваем с людьми, и все те же самые слова, то же состояние. Женщины просто машут руками: «У нас и коллектива нет, каждый – сам за себя!» Но ведь если все собрались тут вместе, значит коллектив все-таки есть? Или, по крайней мере, появляется?

Неожиданно по депо проходит слух, что в понедельник начальство собирается все-таки выплатить зарплату. Кто-то предполагает, что начальство может сделать финт ушами – заплатит первой смене, после чего та выйдет на работу, а вторая так и останется без зарплаты. Все говорят, что надо или получить всем или не получать никому. Обсуждают, как выяснить, всем ли приготовят деньги или только одной смене. Значит на что-то люди все-таки способны. Значит зря на себя наговаривали. Вообще слухи о зарплате сделали людей более активными. И похоже, не столько, потому что они надеятся получить эти деньги, сколько потому, что нарушилось замучившее однообразие. Люди ведь давно уже сидят тут в стоящих без работы машинах, кипятят чай на костре и ждут, ждут, ждут... Это не может не выматывать. Вообще, чувствуется, что люди устали. У них в голосе, постоянное раздражение, как будто они не разговаривают, а ругаются, хотя видно, что ссориться друг с другом они не хотят, наоборот, даже если где-то возникает ссора, ее тут же стааратся загасить. Все понимают, что сейчас ругаться нельзя. Но все устали, и это видно.

Вечером я уезжаю. Договариваюсь с А.С. что он нам сообщит, выплатили ли деньги и, если их не выплатили, узнает у работников депо, как они отнесутся к тому, чтобы наши товарищи послали протест из-за границы. В Москву я приезжаю в понедельник утром, а во вторник А.С. сообщает, что деньги рабочим все же выплатили. Но только за один месяц и без обещанных с марта надбавок...

В.В.П. член МПСТ

ПРОТЕСТ РАБОТНИКОВ НАУКИ

24-27 июня по Старому Симферопольскому шоссе прошёл марш протеста российских учёных против бедственного положения науки, образования и культуры в нашей стране. Участники марша шли пешком из Пущина-на-Оке, известного научного городка на юге Московской области, до Москвы. Акция была организована профсоюзом РАН, входящим в российский координационный комитет профсоюзных организаций и общественных объединений отраслевой, вузовской, академической, оборонной науки и государственных научных центров (который объединяет более 100 тыс. учёных), и движением «Пущинская научная молодёжь». По пути своего следования участники марша протеста проводили митинги – в Пущино (24 июня), Чехове (25июня), Климовске (26 июня) и Москве (27 июня). Число участников марша колебалось от 30 до 50 человек, на митингах могло присутствовать до 300 человек.

Первый марш протеста учёных из Пущина в Москву имел место ещё во время дефолта 1998 года, одновременно с шахтёрскими протестами на горбатом мосту. Идея нынешнего марша, по словам его участников, высказывалась пущинскими учёными с февраля этого года. Усилению протестных настроений, особенно среди молодёжи, способствовало намерение администраций Пущинского научного центра и филиала биофака МГУ в Пущино поднять плату за проживание в своих общежитиях до 670 рублей за койкоместо(при студенческой стипендии 200 рублей и аспирантской – 500) для студентов и аспирантов Пущинского госуниверситета, не имеющего своего общежития. По закону, государственные учреждения могут предоставлять льготы по оплате жилья только для своих сотрудников. Решение проблемы усугубляется тем, что ПущГУ, ПНЦ и филиал биофака финансируются разными ведомствами – соответственно минобразованием, министерством науки и МГУ.

На состоявшемся 28 марта по этому поводу собрании молодые учёные выразили недоверие руководству ПНЦ, потребовали заключения соглашений между профсоюзами студентов и научных работников, ПНЦ, РАН, МГУ и городской администрацией, призванных согласовать решения всех ведомств с целью снизит стоимость проживания в общежитиях ПНЦ и филиала биофака МГУ для всех пущинских студентов и аспирантов до 5% от их стипендий, а для учёных и их семей – до 20% семейного дохода (эти нормы прописаны в российском законодательстве) и способствовать быстрому получению ордеров на квартиры молодыми научными работниками. На том же собрании было принято решение приступить к подготовке марша протеста на Москву. Повышение платы за общежитие пока отложено, руководители ПНЦ и горадминистрации много высказывались по проблемам обеспечения молодых учёных жильём, однако ни одно из требований, принятых молодыми учёными 28 марта, до сих пор не выполнено.

Ещё 5 марта Совет профсоюзов РАН направил в Совет безопасности РФ аналитическую записку, в которой предлагалось постепенно повысить в течение ближайших 3 лет ежегодные бюджетные отчисления по статье «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» до определённого законом минимума в 4% (что составляет около 88 млрд. рублей – средний годовой бюджет западного университета) с тем, чтобы не допустить прогнозируемую к 2010 году, при сохранении нынешних тенденций, полную утрату Россией научно-технического потенциала, необходимого для функционирования современного наукоёмкого производства. 20 марта на совместном заседании Совбеза, президиума Госсовета и Совета при президенте РФ по науке под председательством Путина было решено выделить в 2003 году из бюджета на науку 49,5 млрд. рублей. Однако принятый на заседании правительства 13 июня проект бюджета на следующий год предусматривает сокращение этой суммы до 39 млрд. рублей; ещё раньше стало известно, что правительство планирует отмену для государственных научных учреждений налоговых льгот на землю и имущество и лишение их права на доходы от сдачи в аренду своих помещений.

Эти решения оказали наибольшее влияние на настроения участников марша протеста. Требования к российским властям, сформулированные организаторами марша, включали в себя поэтапное увеличение к 2005 году финансирования научных исследований до 4% от федерального бюджета, повышение студенческих и аспирантских стипендий и окладов научных работников до социально приемлимого уровня, решение жилищных проблем учёных, денежную компенсацию отмены налоговых льгот и доходов от аренды помещений, увеличение ассигнований на сохранение и обновление материально-технической базы научных учреждений.

Кроме научных работников, аспирантов и студентов, в марше протеста принимало участие немало сочувствующих, среди которых выделялись представители КПРФ, РКРП и АКМ (Авангард коммунистической молодёжи – молодёжная организация «Трудовой России»). Они принесли с собой много красных флагов и несколько своих лозунгов, активно выступали на митингах и давали интервью журналистам, из-за чего в некоторых сообщениях прессы марш протеста был представлен как коммунистический. Многие учёные – участники марша высказывали недовольство по этому поводу – по их мнению, представители вышеперечисленных организаций делали себе рекламу за их счёт. Одна молодая аспирантка, выступая на митинге в Чехове, говорила, что акция не задумывалась как коммунистическая, в ней участвуют люди разных политических взглядов и анонсы о марше протеста рассылались многим политическим партиям и организациям, однако приняли участие в марше только коммунисты. Среди молодых учёных – участников марша протеста не наблюдалось ностальгии по советским временам и призывов восстановить «социалистический» строй. Уже в Москве, после митинга на горбатом мосту, когда пущинские учёные выстроились в колонну и пошли к автобусам, которые отвезут их домой, им пришлось пройти через строй окруживших их зюгановских, анпиловских и ниноандреевских бабушек, которые кричали, как их здесь убвали в 1993 году и называли учёных заслуживающими своей участи жалкими попрошайками, смиренно просящими свои 4%, вместо того, чтобы бороть-

ся с антинародным режимом, но никто не стал вступать с ними в дискуссию.

В целом обстановка во время марша протеста была самая доброжелательная. Участники марша на привалах и ночёвках пели походные песни у костра и приветливо встречали каждого нового присоединившегося к акции.

Научные работники представляют собой уникальную социальную прослойку, т.к., в отличии от большинства других трудящихся, во время акции протеста они требуют от своего работодателя, государства, не только повысить зарплаты и социальные льготы, но и предоставить им возможность развивать саму сферу своей деятельности. Для учёных их работа чаще, чем для других категорий трудящихся, является творческой самореализацией, они чаще бывают заинтересованы в результатах своего труда, и на качестве научных исследований, как правило, пагубно сказывается давление извне. Всё это может быть предпосылкой к тому, что в будущем учёные смогут потребовать независимости своей научной деятельности от государства и капитала.

Однако на сегодняшний день мало кто из учёных ставит вопрос об иных источниках существования науки. Сейчас во всём мире научные исследования контролируются правящими элитами, использующими их достижения в своих целях. Это ставит науку в зависимое положение и дискредитирует её в глазах многих людей, считающих развитие науки причиной экологической катастрофы и других бед современного мира.

Организаторы пущинского марша протеста в своих программных документах не требовали от властей изменить существующую государственную политику, наоборот, постоянно ссылались на закон о 4% минимуме и различные правительственные программы поддержки науки последних лет и ставили вопрос лишь о выполнении этих законов и программ. В качестве возможности альтернативного источника финансирования научных исследований в аналитической записке от 5 марта предлагалось введение налоговых льгот для частных инвесторов. Рядовые участники марша протеста также не обсуждали никаких других альтернатив государственному финансированию, кроме поддержки науки со стороны частного бизнеса. Однако можно отметить имевшие место, особенно среди молодёжи, высказывания о недостаточном участии рядовых учёных в решении важных для них проблем и о необходимости ограничения власти бюрократии в решении вопросов развития науки.

В ближайшие десятилетия российское капиталистическое государство, учитывая его экономическое положение и структуру, вряд ли сможет поддерживать финансирование науки на уровне, необходимом для того, чтобы оставшийся со времён советской империи научно-технический потенциал мог быть востребован, а для российского крупного бизнеса поддержка научных исследований – не самое выгодное вложение капитала с точки зрения получения прибыли. Многие молодые учёные – участники пущинского марша протеста говорили, что они хотят жить и работать в России, хотя имеют возможность уехать на Запад (а таковая есть далеко не у каждого российского учёного). В свете всего этого интересно будет следить за дальнейшим развитием начинающей проявляться, как показали описанные в этой статье события, социальной активности научных работников в нашей стране.

М.А.

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

комментарий к акции протеста пущинских учёных

История очередного «похода на Москву» вызывает у меня некоторые вопросы. Во-первых, чего хотели добиться участники похода? Если это была очередная «депутация к царю», то странно что ученые мужи (и жены) XXI века рассуждают как крестьяне времен крепостного права или рабочие времен попа Гапона. Правительство оказалось умнее - если в 1905 г. Николашка с перепугу велел по демонстрантам стрелять, то теперь власти на подобные вещи просто не реагируют. Трагедия повторяется в фарсе.

Если же демонстранты хотели привлечь чье-то внимание, то простой народ и так знает, что у нас всем плохо кромебизнесменов, бандитов и власть имущих (что, впрочем, однно и то же), а СМИ давно уже реагируют на все так, как это нужно верхам. Можно было бы попытаться привлечь внимание мировой общественности, но для этого акция должна была бы быть более заметной (например, в свое время выдвигалась идея устроить на Красной площади акцию протеста с участием ученых с мировым именем).

Во-вторых, как видно со слов А.М., протестовавшие не особо были рады, когда их пытались использовать в политических целях, однако всевозможные партии о своей акции оповестили. Зачем? Может быть просто искали контактов с активными людьм? Да, у нас в стране большинство людей социально-активных действительно политизировано. Это можно понять - если человек хочет решать какие-то проблемы, он должен иметь какое-то мнение по поводу того, как они решаются. Социально-активный человек должен иметь какие-то взгляды на социальные проблемы. Беда только в том, что большинство таких людей имеют на все это один взгляд: «Вот мы прийдем к власти и наведем порядок». Хотя до них это уже обещели многие, и результат - один.

В связи с этим хотелось бы знать, а какой взгляд на это у самих участиников похода? Что они сами думают по этому поводу? Нынешняя ситуация их не устраивает - хорошо. В КПРФную «альтернативу» они не верят - еще лучше. Ну а что все-таки делать?

Кстати, хотя среди рядовых участников марша может и в самом деле «не наблюдалось ностальгии по советским временам и призывов восстановить «социалистический» строй», однако профсоюзные вожди, его организовавшие, скорей всего члены КПРФ и поход они, похоже, организовывали в качестве очередной пропагандистской акции. Говорю об этом не просто так - я общался с людьми, имеющими прямое отношение и к на-

уке, и к Пущину. Да и сама акция уж больно смахивает на акции, организуемые КПРФ.

Я вовсе не хочу сказать ничего плохого о рядовых участниках, или упрекнуть их за участие в акции. Более того, будь у меня свободное время, я и сам бы пришел поучаствовать в этом походе (кстати, хоть я сам этого сделать и не мог, потому как работаю и, в отличие от научных работников, должен появляться на работе каждый день и смену отрабатывать полностью, но по крайней мере я распространял информацию об этой акции среди своих знакомых (и кстати, именно от меня о ней узнала А.М.)). Однако при этом я убежден, что в рамках индустриального рыночного общества, как бы оно не называлось: «либеральным» «реально-социалистическим», «патриотическим» - эту проблему не решить. Пока ценность человека, коллектива, идеии и т.д. будет пределяться их рыночной ценой, то есть, попросту говоря пособностью продаваться, до тех пор и судьба науки будет зависить не от приносимой ей пользы, а от приносимого ей дохода, причем дохода, зачастую сиюминутного. А что по этому поводу думают сами пущинцы?

Этот номер бюллетеня, я надеюсь, будет как-то передан им в печатном ли виде, в компьютерном ли - это уже не важно. Важно, что они его прочтут. И я бы хотел, чтобы они отнеслись к моему вопросу не как к очередной «грузке», а как к попытке решить наши общие проблемы. Если они, конечно, считают их общими. Но коль скоро они положительно отнеслись к участию в их походе других людей, то наверное понимают, что в таких вещах надо действовать сообща.

В.В.П Член МПСТ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ *И СТАЧКИ В КИТАЕ*

За последние месяцы в средствах массовой информации в растущем количестве появляются сообщения о стачках и других акциях протеста в Китае. С увеличивающейся частотой западные СМИ говорят также об эпизодах классовой борьбы, которые принимают более обобщенные формы, как на местном, так и на региональном уровне. Маньчжурия особенно поражена промышленной реструктуризацией, и здесь стачки и демонстрации происходят одна за другой. 19 марта западные газеты писали, что в Ляоюане (провинция Ляонинь) - промышленном сердце Маньчжурии, была демонстрация 30 тыс. рабочих, требующих создания «независимых профсоюзов». В тот же день сообщалось, что с 10 марта, в нефтедобывающем районе Дацзынь, расположенном в другой маньчжурской провинции Хэйлунцзянь, десятки тысяч уволенных рабочих почти каждый день протестуют против невыдачи пособий, которые компания согласилась платить. 23 марта корреспондент «Вашингтон пост» написал, что десятки тысяч рабочих были уволены на более чем 20 заводах района Ляоюань. 11 марта начались энергичные протесты рабочих, представляющие собой «появление независимого рабочего движения в стране, где профсоюзы строго контролируются». «Многие рабочие, - продолжает газетный очерк, - прекратили агитацию 22 марта, после того, как правительство заплатило половину задержанной зарплаты, обещало помочь найти новую работу, но, что важнее всего, арестовало 4-х лидеров движения за организацию «незаконной манифестации»». Рабочие говорят: «Мы все хотим реальных изменений, но правительство и партия до сих пор еще очень сильны». На самом деле, это общая ситуация. Даже, несмотря на то, что, согласно всем источникам, забастовочная активность достигла рекордного уровня, рабочее движение встречает политические препятствия для своего расширения и объединения, препятствия, которые оно пока еще не в силах преодолеть.

В разных районах Китая стачки имеют разные особенности. В нескольких маньчжурских городах они в основном вызваны последствиями широкой реструктуризации, проводимой в крупных государственных машиностроительном, железоделательном и сталелитейном, угольном объединениях. По сообщениям газет, в Ляоюане почти половина рабочих, перед этим занятых на крупных государственных объединениях, была уволена, и только часть из них получает скудные пособия по безработице. В основном это пожилые рабочие, кому трудно найти работу на новых малых предприятиях, где существуют напряженные условия труда и нет системы социального обеспечения.

Маньчжурия представляет собой район Китая с наибольшей густотой крупных заводов. Согласно переписи 1996г., из 12752 предприятий с болеее, чем тысячей рабочих, не меньше, чем 1783 предприятия находится в 3-х манчжурских провинциях; это составляет 14% от всех крупных предприятий, тогда как доля населения этих провинций в населении Китая - 8, 7%. Ляонинь, провинция, где находится г. Ляоюань, в котором произошли выступления протеста, дает 3,4% китайского населения, но 7,2% крупных предприятий.

Еще выше в Манчжурии густота гигантских предприятий с более чем 10 тыс. занятых, причем некоторые из них имеют более чем 100 тыс. занятых. Здесь находится 102 из 380 таких мест колоссальной концентрации рабочей силы, т.е. 27% во всем Китае. Эти предприятия в целом слабо специализированы, так как включены во все виды деятельности, от

производства до городского транспорта и образования. Это - наследство производственного безумия китайского государственного капитализма, который, как и его русский и итальянский аналоги, думал превзойти своих конкурентов, увеличивая размеры предприятий на основе существующих технологий, концентрируя гигантские массы рабочей силы. Эта стратегия работала на внутреннем рынке, где перегруженные конкуренты образовывали региональные монополии, но не работала на международном рынке, где концентрировались еще большие капиталы. Сегодня китайские колоссальные предприятия находятся в кризисе и нуждаются в реструктуризации, подобно русским предприятиям. Если здесь будут действовать те же тенденции, что действовали в Англии или Италии на протяжении 30 лет после нефтяного шока 1973г., то число таких предприятий может сократиться до 1/3 или 1/4 современного уровня. Миллионам рабочих, кого уже уволили или кого уволят в будущем, говорили и будут говорить, что их увольнение - следствие социализма, тогда как на самом деле оно - следствие особо жадного и жестокого государственного капитализма.

С другой стороны, в нескольких других регионах Китая социальные конфликты создаются огромной массой рабочих, эксплуатируемых на современных предприятиях, где рабочим «недоплачивают и с ними жестоко обращаются в похожих на бараки заводах, постоянно подвергая их деспотизму и несправедливостям на рабочем месте». («Le Monde», 5 aprile 2002). Иногда стачки того или другого рода попадают на страницы западных газет, как в июле 1997г., когда 4 тыс. рабочих шелковой фабрики в Мэньяне, провинция Сычуань, провели демонстрацию перед правительственными учреждениями, или как в декабре 1999г., когда 1 тысяча рабочих перекрыла движение в провинции Шаньси, или как в декабре 2000г., когда десятки тысяч рабочих блокировали улицы в Ухане и Чжучжэне. То же происходит сегодня со стачками в Ляоюане и Дацзыне. Очевидно, что подавляющее большинство стачек (в 2000г. зарегистрировано 207 тыс. конфликтов, что представляет огромную цифру, даже учитывая гигантские размеры китайского пролетариата) не попадает на страницы газет. Тем не менее они являются доказательством того, что первый шаг борьбы рабочего класса, его объединение против непосредственных эксплуататоров развивается в Китае, как и в любой другой капиталистической стране, согласно «естественно-историческим законам», и, как и предсказывал Маркс, поднимает фундаментальную политическую проблему: защиту организации рабочего класса как более важную задачу, чем стачка сама по себе.

М.М.

ПОЛЬША: СВОБОДНЫЙ РЫНОК = ЗАКАБАЛЕННЫЙ НАРОД

12 июня 2002 г. ЩЕЦИН - Во времена коммунистическо-бюрократического режима в дружном хоре польской оппозиции едва ли не громче всех звучал голос рабочих Щецинской судоверфи, осуждавших власти за неспособность предоставить народным массам достойный уровень жизни. Сейчас воспоминание об этом может показаться горькой шуткой, поскольку все блага рыночной экономики в Польше достаются кому угодно, только не работникам приватизированных промышленных гигантов. В марте этого года руководство компании, которой с некоторых пор стала принадлежать Щецинская судоверфь, приняло решение о закрытии преприятия и об увольнении 6000 работников верфи без всякой компенсации. В воздухе запахло массовыми акциями протеста и народными волнениями, а потому в дело вмешалось польское правительство, которое уже в мае предложило план, по которому вскоре должна произойти национализация судоверфи - в Польше это первый случай такого рода со времени крушения власти ПОРП в конце 1980-х годов. «Вообще сейчас все очень странно и ненормально», - говорит 48 - летний рабочий верфи Богуслав Рыдженски. - Если бы нам 10 лет назад рассказали о нынешней действительности, мы бы не поверили». Да, в Польше сейчас сложное время - и это в стране, которая за 10 успела превратиться в форпост крупных универмагов, этакий символ посткоммунистических надежд Центральной Европы. С другой же стороны, у населения Польши заметно поубавилось желание продолжать экономические реформы и вступать в Евросоюз, а сама идея, что в восточноевропейской стране может успешно привиться капитализм западного стиля, у многих поляков не вызывает никаких других чувств, кроме раздражения. «Посмотрите вон на то граффити», - говорит мне экономист Кшиштов Бледовски, с которым мы сидим в одном из кафе в центре Варшавы, и указывает пальцем на магазин автомобильных запчастей на другой стороне улицы. На стене магазинчика кто-то начертал краской из баллончика: «Свободный рынок = закабаленный народ». «Такое уж настроение у наших людей сейчас, - говорит Кшиштов с некоторой грустью. - Многие уже не считают, что капитализм способен принести справедливость, экономический подъем, надежное будущее для детей и тому подобные вещи». И основания для пессимизма у поляков действительно серьезные - в прошлом году темп экономического роста упал до 1 процента, а уровень безработицы в этом году достиг 18% - рекордной величины за всю посткоммунистическую эпоху. Более того, есть серьезная опасность того, что по всей стране начнутся массовые акции протеста и социальные конфликты, если в результате вступления Польши в ЕС еще больше людей потеряют рабочие места. Нашу беседу пан Бледовски закончил такими словами: «Весь этот упадок привел лишь к тому, что люди начали размышлять. Они уже не верят в радужные обещания политиков и начинают пересматривать многие из своих привычных представлений и ожиданий».

Из газеты «Нью-Йорк Таймс»

РЕВОЛЮЦИЯ В АЛЖИРЕ

Об Алжире редко говорят в теленовостях и пишут в газетах. Внимание журналистов привлекают сенсации, обоюдное зверство на Ближнем Востоке, катастрофы, войны и политические скандалы. Что им за дело до проблем обнищавшей североафриканской страны? Между тем, вот уже почти полтора года там происходит самая настоящая революция, которая по своим масштабам отнюдь не уступает событиям в Аргентине.

По размерам территории Алжир - одно из крупнейших африканских государств. На площади в 2,4 млн. квадратных км. здесь живут около 30 млн. человек, причем 70% экономически активного населения - моложе 30 лет. До 1962г. страна была французской колонией, затем находилась под управлением однопартийной государственно-капиталистической диктатуры. В 1970-х - начале 1980-х гг. Алжир переживал нефтяной бум. Но когда мировые цены на нефть упали, непрочная алжирская экономика рухнула. Оголодавшее и обнищавшее население вышло в 1988 г. на улицы. Армия стреляла в народ, убив более 500 человек. Через три года, на волне всеобщего недовольства на выборах победили фундаменталисты из Исламского фронта спасения. Исламисты обещали "власть Аллаха" и рыночные реформы. Однако алжирская армия, которая открыто или скрыто правила страной с момента обретения независимости, не собиралась делиться с ними прибылями от приватизации и зарубежных займов. Военные совершили переворот, и между ними и исламистами началась кровавая гражданская война. Она велась с беспримерной жестокостью и унесла на сегодняшний день до 200 тысяч жизней. Уничтожались целые деревни, армия обстреливала из пушек и бомбила с воздуха населенные пункты, где, как она утверждала, укрывались повстанцы-фундаменталисты; те, в свою очередь, систематически убивали жителей, которые были недостаточно лояльны или осмеливались не слишком рьяно соблюдать исламские обычаи, расправлялись с женщинами, отказывавшимися носить чадру, с иностранцами и т.д. Простые люди оказались мишенью со стороны обоих воюющих лагерей: это была настоящая классовая война сверху против трудящихся. К тому же последним пришлось вынести все тяготы неолиберальных рыночных реформ: закрытие большей части предприятий, безработицу, достигшую 40%, отсутствие минимальных условий, необходимых для нормальной жизни. За 8 лет, с 1991 по 1999гг. покупательная способность алжирских трудящихся упала на 60%. Между 1999 и 2001гг. число людей, официально живущих ниже уровня бедности, увеличилось с 10 до 14 миллионов. Почти половина населения жила на менее чем 300 франков в месяц, в то время как плата за жилье в бедных кварталах составляла 800-1000 франков в месяц. Не удивительно, что в одной комнате обитают по 7 человек! В сегодняшнем Алжире не удовлетворяются даже самые элементарные жизненные потребности людей - многие семьи лишены чистой воды, жилья, электричества.

МВФ предоставил алжирскому правительству финансовую помощь в обмен на "реформу" государственного сектора. Это приспособление к новым нормам производства вызывает уничтожение 400 тысяч рабочих мест. С учетом краха промышленного производства в регионе, у уволенных нет никаких шансов найти новую работу. Больше всего страдает от этих социальных условий молодежь. Каждый год на рынок труда выбрасываются новые 300 тысяч человек, которые оказываются ненужными. Из-за высокой платы за жилье молодые люди не могут покинуть свои семьи. Им остается продлевать время учебы, отдаляя день, когда им придется стать безработными.

Не удивительно, что рано или поздно терпение людей должно было лопнуть. Убиваемые со всех сторон и измученные нищетой и безнадежностью, они решили послать ко всем чертям и военных, и фундаменталистов, и взять свою судьбу в собственные руки.

В центре бунта вновь оказался регион Кабилии в более чем 100 км. к востоку от столицы страны. Это - настоящий сад Алжира. Здесь горы слегка отступают в глубь континента и защищают долины и побережье от жаркого дыхания Сахары. В Кабилии сосредоточена значительная часть населения страны, вынужденного прижиматься к берегу Средиземного моря. И это регион со своими особыми традициями и культурными особенностями. Здесь древнейшее, доарабское население Алжира - берберы - сохранило свой язык тамазигхт и сопротивляется насильственной арабизации, которую насаждали и насаждают власти независимого Алжира и фундаменталисты. Кабилия всегда была очагом бунта: в 1871г. она поднимала восстание против французских колониальных властей, в 1950-х гг. там находились базы алжирских партизан - сторонников независимости, в 1960 хгг. берберское население боролось против столичного диктата, за что поплатилось сожженными и разбомбленными селениями... В 1990-х гг. кабилы поддержали региональные партии, которые объявили себя альтернативой по отношению как к военной диктатуре, так и к исламистам, и обещали демократию. Но и регионал-демократы обманули трудовой народ Кабилии. И тогда грянул гром.

Как часто бывает, поводом ко всеобщему бунту стал почти уже привычный эпизод произвола властей. 18 апреля 2001г. жандармы убили школьни-

ка-кабила в городе Бени-Дуала. 21 апреля в другом населенном пункте они похитили трех школьников и избили их учителя. Гнев молодежи выплеснулся на улицы. В течение нескольких недель тысячи молодых людей, школьников, учащихся, безработных демонстрировали, забрасывали "коктейлями Молотова" и камнями жандармов, громили и сжигали полицейские участки и машины, а также здания государственного управления, суда. Акции с самого начала носили насильственный и антибуржуазный характер. Улицы повсюду оказались под контролем населения. Гнев простых людей обрушился на всю совокупность институтов государства, как военных, так и гражданских, а также на буржуазию. Люди поджигали роскошные виллы, громили склады и универмаги. Пролетарии разбирали товары, в которых они нуждались, и уничтожали то, что всегда было для них символами угнетения и нищеты - поджигали налоговые офисы, префектуры, бюро политических партий (включая и кабильских регионалистов).

Войска и жандармерия открывали огонь по демонстрантам, которые кричали им: "Вы не можете нас убить: мы и так уже мертвы! Власть - убийца!". В результате этой "черной весны" погибло не менее 100 человек. На расстрелы люди отвечали новыми демонстрациями и бунтами. Жандармские и полицейские участки превратились в осажденные крепости, которые снабжались на вертолетах из столицы. Кровавые столкновения с полицией быстро вышли за пределы Кабилии и распространились на другие районы страны. Своего пика в этот, первый период движение протеста достигло 14 июня 2001г., когда на улицы столицы - города Алжир, в котором живут 3 миллиона человек, выплеснулось людское море - от 500 тысяч до 2 миллионов манифестантов. На камни и зажигательные снаряды демонстрантов полиция отвечала слезоточивым газом и водяными пушками, а также настоящими пулями. Несколько складов в Алжирском порту были разграблены.

Восстания весны 2001г. были стихийным взрывом. Они не контролировались никакой политической партией, никаким идеологическим течением. Фундаменталистов и власть в Кабилии ненавидят, берберским партиям досталось не меньше, чем другим. Попытки изолировать движение, объявив его чисто берберским, провалились. В крови и дыму "черной весны" родилась самоорганизация взбунтовавшегося народа. Она приняла форму возродившейся кабильской родовой общины - "аарш".

Какому-нибудь неуемному поклоннику прогресса эта деталь может показаться дикой, отсталой и консервативной. Но нет: речь идет не о патриархальном фундаментализме или исламском "Домострое", а о людях, которые призывают к расширению участия женщин в движении и к их равноправию. Активисты "аарш" не обожествляют своих старейшин и не собираются замыкаться в узком родовом кругу. Они объединяют свою деятельность с соседями, жителями других общин, округов и областей, создав структуру, которая собирается охватить все общество. Как и в Албании 1997г. и в Аргентине 2002г., мы можем наблюдать возрождение глубинного чувства человеческой солидарности: люди спонтанно восстанавливают местные связи, разрушенные капиталистическим "развитием": они отбрасывают прочь не только контроль со стороны центральной власти и политических партий, но нередко и влияние местных "авторитетов". И выступая как настоящие стихийные анархисты, то есть сторонники народной самоорганизации и самоуправления, они кладут в основу новой гражданской структуры суверенные и автономные местные общие собрания жителей. Эту форму мы можем обнаружить сегодня в самых разных движениях и выступлениях, в самых разных и таких непохожих странах и ситуациях. Мы можем считать ее самой современной формой социального движения.

Лето и осень 2001 г. стали временем оформления нового движения - "Координации аарш, округов и общин". Оно провозгласило своими принципами независимость от власти и любых партий, отказ от любого союза с политическими формированиями и от подмены движения ими, многообразие. "Движение, - говорится в его "Руководящих принципах", - запрещает себе превращение в политическую партию, в передатчик и подпорку политических партий и любых иных ассоциаций". Вместо представительной демократии, в основу системы "аарш" положены "горизонтальность" и "прямая демократия", то есть самоуправление и федерализм. В кварталах и деревнях действуют общие собрания, которые автономно решают все вопросы, касающиеся борьбы и действий на местах. Эти собрания избирают также делегатов на окружные собрания; по такому же принципу собираются областные собрания и межобластные конклавы. Все основные решения принимаются снизу вверх: они обсуждаются и выносятся первоначально на местные общие собрания, а затем отстаиваются их делегатами на более "высоких" уровнях, причем делегаты обязаны представлять их, а не высказывать свое личное мнение. Иными словами, они связаны обязательным наказом и могут быть отозваны в любой момент. Функции окружных, областных и межобластных органов движения сводятся исключительно к координации деятельности, ее обсуждению и согласованию, причем решения принимаются с помощью консенсуса (общего согласия). В эти органы координации входят делегаты соответственно от округов или областей, а также члены избираемых "президиумов-троек", которые постоянно меняются. "Межобластная координация, - указывается в документах движения, - не образу-

ет какой-либо организационной структуры, но служит лишь местом синтеза размышлений снизу с целью объединить действия и соединить пути и средства их осуществления".

Конечно, "аарш", несмотря на глубоко анархистский дух всеобщего самоуправления, нельзя считать осознанно анархистским (анархо-коммунистическим) движением. Они выросли из существующего общества, со всеми его противоречиями, муками и путаницей. "Аарш" непартийны, но (все еще?) не антипартийны, они против идеологического господства, но не против буржуазной и реформистской идеологии как таковой. И их требования, утвержденные в "платформе Эль Ксёр", не предусматривали создания нового свободного общества. Они чисто "негативны". "Аарш" требуют от властей признать ответственность за массовые репрессии, предоставить компенсацию их жертвам и судить "гражданским судом" виновников, вывести отряды жандармерии и сил безопасности, прекратить преследований участников бунтов, признать культурные права берберов и равноправие их языка тамазигхт с арабским, гарантировать все социально-экономические права и гражданские свободы, прекратить "политику недоразвития, обнищания и пауперизации алжирского народа", установить демократический контроль над всеми исполнительными инстанциями и службой безопасности, прекратить коррупцию и выплачивать всем не имеющим работы пособие по безработице в размере 50% минимально гарантированного уровня зарплаты. Можно, конечно, считать эти требования реформистскими. Но здесь стоит обратить внимание на немаловажный момент: "аарш" заявляют, что никаких переговоров с властями относительно этих требований быть не может! Иными словами, эти требования сами по себе не меняют систему, но ставятся они по-революционному и создают революционную динамику. Никаких конкретных реформистских рецептов бунтовщики не предлагают. Логика здесь такова: мы не признаем вашу власть "своей", мы не желаем диалога с ней, не несем и не желаем нести за нее ответственность; извольте сделать то, что мы требуем немедленно, нам совершенно все равно, как вы это сделаете; не хотите добром - мы вас заставим! Иными словами, политическая доктрина бунтарей весьма проста: это вызов всей существующей социальной системе.

Движение разработало "Кодекс чести" для своих делегатов на всех уровнях; за неисполнение его принципов делегаты отзываются. Эти правила запрещают любые прямые или косвенные связи с властью, занятие государственных и политических постов, использование движения в партийных или предвыборных целях, а также участие в борьбе за власть вообще. Делегаты обязались также не придавать движению региональный (чисто кабильский) характер и не узурпировать право говорить от общего имени.

Что касается социально-экономической стороны борьбы, то здесь нет надобности что-либо требовать. При любой возможности люди стихийно обобществляют богатства, в которых они испытывают нужду. Они делают это явочным порядком, с помощью прямого действия.

"Аарш" заявляют, что их выступления носят "мирный" характер. В действительности, это далеко не всегда так. Молодежь нередко нападает на жандармские участки. Но о вооруженных действиях речь пока что не идет. Основная форма борьбы, которую практикует не имеющее оружия алжирское население, - это гражданское неповиновение. Люди бойкотируют власти, официальных лиц и жандармов, не исполняют их приказы и распоряжения. Нередки нападения на тех, кто нарушает или не соблюдает бойкот. Весной 2002г. "аарш" провозгласили бойкот парламентских выборов. К этой мере вынуждены были присоединиться - под сильным нажимом снизу - и кабильские регионалисты. В результате 98% жителей Кабилии не участвовали в выборах. Движение пытается всеми силами физически изолировать государство, его органы и службы от общества. Власти отвечают арестами активистов движения. В конце июля 2002г. "аарш" предъявили государству ультиматум, требуя немедленно освободить всех арестованных. В противном случае они пригрозили начать выдворение представителей государственной администрации из Кабилии...

Алжирские трудящиеся делают лишь первые шаги по пути революции. Но они быстро учатся. "Аарш" еще говорят по старой привычке о "семье демократических народов", но тут же обличают демократические западные державы, упоминают о гипотетических демократических выборах, но признают, что они невозможны и что представительная система ничего не дает, что необходим народный контроль. "Мы весь этот год размышляли, - сказал 24 марта 2002г. один из бунтарей в столице Кабилии Тизи-Узу. - Вся власть должна уйти, иначе наши проблемы так и не будут решены". "Решение, за которое выступают аарш, - это переустройство Алжира по горизонтальному принципу с председательством, переходящим от общины к общине...", - так сформулировал позицию алжирского революционного движения делегат из Эль-Ксёр Али Герби. Кабилия стала сегодня - наряду с Аргентиной - символом возрождения духа человеческой солидарности, эстетики сопротивления, того, что "лимит на революции" - как бы этого ни хотелось тем, кто нами правит - не исчерпан. Пожелаем успеха революции в Алжире и повсюду. ULAC SMAH ULAC, что на языке тамазигхт означает: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В.Граевский

БЮЛЛЕТЕНЬ ИЗДАЕТСЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗОМ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (МПСТ) ПРИ СОДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ОБЪЕДИНЕНИЯ «РОСТСЕЛЬМАШ» (РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Адрес МПСТ: 117485 Москва, а/я 34

Электронный адрес: mpst@mail.ru

Страничка в Интернете: http://mpst.tsx.org

Адрес Рабочего комитета «Ростсельмаш»: 344091, Ростов-на-Дону, а/я 1173